

Нед сидел в своем кабинете в Башне Десницы и размышлял.

В данный момент Корона находилась не в самом лучшем положении. Они были в огромных долгах, должны были собрать урожай до того, как наступят холодные сезоны, и теперь, как никогда, у них была возможная война, которую нужно было планировать.

Это будет зависеть от того, убьет ли Визерис Таргариен Джона.

Нед без всяких сомнений знал, что Джон никогда не отправится воевать против Вестероса, если только не произойдет что-то ужасное. Его племянник не был разжигателем войны — даже слухи о том, как он уничтожил армию дотракийцев, не убедили Неда в том, что Джон полон жажды крови. Мальчик пролетел через полмира, чтобы спасти Дейенерис от дикарей, и он сделал именно это.

В любом случае, он не мог вести переговоры с дотракийскими крикунами. Они уладили дело кровью.

Но если Визерис убьет Джона, все ставки проиграны. Если это произойдет — худшая возможная ситуация — и Визерис заберет Фростфайр, Нед сделает все, что в его силах, чтобы повергнуть сына Безумного Короля. Это означало, что он также должен был взять на себя обязательство подавить дракона; задача, которая может стоить им тысячи жизней.

Он молился всем существующим богам, чтобы подобное никогда не происходило.

Роберт уже был на тропе войны. Даже если Тайвин в конце концов убедил его на время приостановить покушения на Джона — лучше не облегчать работу Визериса, — бывший лучший друг Неда нашел новую цель в жизни. Подготовка к этой войне, в которой он был уверен, вернула военачальника.

На следующий день после заседания Малого совета, изменившего «Игру престолов», Роберт Баратеон довольно громко заявил, что он жирный ублюдок.

Теперь он сжигал лишний вес, набранный годами чрезмерного употребления алкоголя и еды. В таком состоянии Толстый Король не собирался идти на войну. Он отправился в жестокое, мучительное путешествие по самосовершенствованию, проводя каждый день в упражнениях больше, чем Нед когда-либо помнил, даже в их юности.

Толстый Король хотел вернуть Демона Трезубца. Нед боялся, что он был достаточно полон решимости, чтобы добиться этого. Обещание войны, возможность выследить и убить последнего представителя родословной Рейегара, казалось, в одночасье избавили Роберта от многих недостатков.

Не все из них, конечно. Он по-прежнему оставался упрямым и упрямым, и Нед знал, что его друг всегда будет блудником. Но ему не терпелось сразиться, и к тому времени, как он их найдет, он будет в такой хорошей форме, насколько сможет.

Если бы оно их нашло.

Нед про себя надеялся, что Джон останется далеко в Эссосе, пока Роберту не наскучит ожидание и он не вернется в свое прежнее неряшливое состояние. Как бы плохо ни было надеяться, что такое случится с его другом, (опять же) он не хотел, чтобы Джон был рядом с королем, если Роберт вернется в форму.

Роберт убьет его так же точно, как убил отца Джона. Рейегар был опытным воином, но даже он не мог сравниться с Демоном.

Но даже если он никогда не вернется в Вестерос — это разрывало сердце Неда; желание увидеть свою семью целой, но также и желание сохранить их в безопасности — Старк-Патриарх знал, что рано или поздно Вестерос придет к Джону.

Это был лишь вопрос времени, когда принц Оберин, печально известный Красный Змей Дорна, начнет лично выслеживать Джона. Нед только надеялся, что не возьмет с собой на охоту своих дочерей Песчаных Змей. Оберин сам по себе был достаточно опасен без того, чтобы к нему присоединились его отпрыски-убийцы.

Лапа, упирающаяся в его ногу, прервала ход мыслей Неда, и он посмотрел вниз, на маленького белого ужасного волка. Он улыбнулся и наклонился в кресле, чтобы погладить мягкую шерсть. — Нужно выйти наружу, Призрак?

Язык Призрака беззвучно высунулся, и Нед решил, что ему все равно нужен перерыв.

Призрак был всего лишь одним из шести щенков ужасного волка, которых Нед нашел вскоре после того, как Джон сбежал из Винтерфелла. Он нашел массивную мертвую мать с ее маленьким ребенком, все еще цепляющимся за ее живот, и решил, что они будут подходящими компаньонами для его факультета. В конце концов, печать Старка была ужасным волком.

Все его дети получили по щенку. Шестую, коротышку в помете, лишнюю, Нед отдал бы Джону. Но с Джоном и его драконом на восточном континенте Нед забрал себе Призрака. Молчаливый с момента рождения, он ни разу не заскулил.

Белый волк, а также две его сестры здесь, в Королевской Гавани — Арья Нимерия и Леди Сансы — не были поклонниками климата, но они приспособливались не хуже, чем сами Старки.

Нед повел своего мохнатого компаньона вниз по ступеням башни к одному из дворов замка, который, как он обнаружил, был занят Робертом и его Королевской гвардией. Большинство рыцарей стояли в стороне, но двое из них разговаривали с королем — вероятно, направляя его в выбранных упражнениях.

В данный момент он нес на плече толстое бревно и ходил с ним по двору. Толстый Король вспотел, как сумасшедший, с красным лицом, но мрачным и застывшим.

Он завершил один из своих кругов и с тихим рычанием от напряжения поставил бревно на пол, одной рукой жестом поманив пажа, чтобы тот принес ему выпить. Мальчик — очевидно, Ланнистер из золотой головы — поспешил подчиниться.

Роберт сделал глоток и тут же выплюнул напиток. «К черту вино! Принеси мне воды!»

Нед моргнул. Он был удивлен так же, как мальчик Ланнистер, но, к счастью, ему не пришлось карабкаться прочь, чтобы найти королю напиток, который он хотел. Он никогда не думал, что доживет до того дня, когда Роберт из всех людей откажется от алкоголя в пользу воды.

Разве чудеса никогда не прекратятся?

"Отец!"

Нед обернулся на знакомый голос и смог удержаться от улыбки при виде Арьи, мчащейся к нему с Нимерией и Леди, спешащими за ней по пятам. Позади нее он увидел Сансу и дочь Роберта, Мирцеллу.

Нимерия и Леди быстро бросились навстречу Призраку, виляя хвостами и тявкая. Нед позволил лютоволкам повеселиться, а сам ждал, пока до него доберутся дочери и их друзья.

"Отец!" — снова воскликнула Арья, сверкнув глазами. "Это правда?!"

— Тебе придется уточнить, малышка, — дразняще взъерошил ей волосы Нед, заставив ее дернуться с игривым хмурым взглядом. "Что правда?"

К ним подошли Санса и Мирцелла, чуть более запыхавшиеся, чем его младшая дочь. Арья огляделась, как будто собиралась сообщить какой-то великий секрет, прежде чем заговорить. "Дракон? Это правда?"

Нед поджал губы, но Санса фыркнула. «Это не лучшая часть истории! Кого волнует дракон?»

"Я забочусь о драконе!" — возразила Арья.

— Девочки, — Нед прекратил их перебранку, прежде чем она вышла из-под контроля.

— Прости, отец, — извинилась Санса. — Но правдива ли эта история?

Он вздохнул и оглянулся на Роберта, который вернулся на другую трассу. Новости о действиях Джона распространились так быстро, как и ожидалось — прошла неделя с тех пор, как Малый Совет получил известие об этом. В конце концов, дракон в мире снова был важной новостью. — Что именно ты слышал?

«Король Драконов бросился на сотысячную армию дотракийцев и уничтожил их всех?» — спросила Арья.

"Заткнись! Это не главное!" — отрезала Санса.

«Это было десять тысяч дотракийцев, но да, он победил их», — быстро ответил Нед Арье, заставив ее широко ухмыльнуться, прежде чем он посмотрел на Сансу. — О чем ты хотел спросить?

Мирцелла заговорила, ее глаза сияли. Когда-нибудь она станет такой же красивой, как Серсея, но в ней совершенно не было ехидного и жестокого характера матери. Ребенок был чистым и хорошим, и Нед отчаянно надеялся, что она останется такой же.

«Правда ли, что Король Драконов прилетел в Пентос, чтобы спасти принцессу Таргариенов от варвара?»

А, Нед ухмыльнулся. Теперь он знал, что так взбесило Сансу. Его дочь была безнадежным романтиком. Похоже, в этом смысле они с Мирцеллой нашли общий язык. Он действительно не предпочел бы, чтобы эта конкретная тема была тем, из-за чего они сблизились, но это было то, что было.

«Я не могу сказать, прилетел ли он в Пентос специально, чтобы спасти принцессу», — признался он, искажая правду о бегстве Джона в Эссос. «Но это правда, что он сражался с дотракийцами, чтобы удержать принцессу от их кхала — их лидера, которому ее продали».

Санса выглядела готовой упасть в обморок, к его большому удовольствию. Мирцелла выглядела не менее очарованной, но Арья закатила глаза при виде последней романтической одержимости сестры.

«Он, должно быть, отчаянно любит ее, раз подвергает себя такой опасности, не так ли?» Санса вздохнула и мечтательно улыбнулась. «И она, должно быть, любит его. Я уверен, что они уже поженились...»

— Семь адов, Санса, — Арья издала давящий звук.

Неду пришлось прикусить щеку изнутри, чтобы не рассмеяться. Если бы Санса знала, что это Джон прилетел на помощь принцессе Таргариенов, у нее бы случился инсульт.

Если бы только секрет не был таким, из-за которого его и, возможно, всю его семью убили бы в результате.

— Послушайте, девочки, — серьезно посмотрел на них Нед. «Задавать вопросы на эту тему — это прекрасно, но будьте осторожны, когда говорите о Таргариенах. Какой бы захватывающей ни была история, дракон и его Всадник очень реальны и опасны. Король не хотел бы ничего слышать. сказку романтизируют, понимаете?»

Дети кивнули, хотя Арья нахмурилась. Нед продолжал. «Оставь забавные части истории при себе, хорошо? Возможно, когда все уляжется, ты сможешь обсудить ее более открыто, но пока... пока в Вестеросе будет напряжённо».

— Да, сэр, — хором ответили они. Нед ласково им улыбнулся.

— Прочь с вас, — мягко сказал он им. «Я должен вернуться к работе. Арья, ты не могла бы оставить Призрака с собой до конца дня? Мне кажется, ему стало не по себе, сидя со мной в башне».

«Конечно. У него и Нимерии могут быть неприятности из-за меня», — усмехнулась Арья.

Она убежала с Сансой и Мирцеллой на буксире прежде, чем Нед успел возразить, и вздохнул. Он только надеялся, что проблемы, которые они обнаружили, были минимальными.

«Замечательно видеть, что дети так хорошо ладят, не так ли?»

Нед выпрямился, как шомпол, и повернул голову в сторону двора, когда Варис бесшумно приблизился к нему. Паук смотрел вслед девушкам с легкой улыбкой на лице.

— Да, им хорошо играть вместе, — медленно согласился Нед.

«Совершенно верно. Дети — будущее королевства, и если они поладят, есть надежда, что в будущем великие дома будут более прочно объединены», — пробормотал Варис. Он снова посмотрел на Неда. «Простите меня, я подслушал ваш разговор с ними по дороге на встречу с одной из моих птиц. Король Драконов стал настоящей темой в Королевской Гавани».

«Я никогда не думал, что это займет много времени, чтобы разойтись. Дракон в мире снова...»

«Либо маяк надежды, либо символ смерти. Это зависит от того, кому он отвечает, и кого вы у него просите».

Нед кивнул. Паук вызывал у него дискомфорт, но он чувствовал, что Варис не возражает. Этот

человек знал, кто он такой, как немногие, и он открыто принял эту роль.

Варис мельком взглянул на него. «Я восхищаюсь вами, лорд Старк, но надеюсь, вы понимаете, что живете в гнезде змей. Это место ужасно опасно для честных людей. Я призываю вас быть осторожными».

Нед не знал, что на это ответить, поэтому просто молча кивнул и вернулся в Башню Десницы, а Варис ускользнул в противоположном направлении.

— Ты должен идти?

Оберин Мартелл, принц Дорна, собрал большую часть своих вещей для предстоящего, несомненно, длительного путешествия. Ну и охота в таком случае. Не его первая, уж точно не последняя, но, наверное, самая интересная на сегодняшний день.

"Я не могу игнорировать это, Эллария," ответил он своей возлюбленной. Эллария Санд, его возлюбленная любовница и мать четырех из его восьми дочерей, с тревогой наблюдала за ним из дверей их покоев. Она была его женой во всем, кроме имени, потому что они были слишком свободны и подвижны, чтобы быть связанными чем-либо, кроме общей любви.

«Это будет опасно, любовь моя», — пыталась она его урезонить. «У мальчика есть дракон».

«Возможно, но он не будет всегда рядом с ним. Драконам нужно есть так же, как и людям. Вот тогда я нанесу удар».

Эллария поджала губы. — Что, если это действительно он ?

Оберин на секунду перестал собирать вещи и посмотрел на нее. Его змеиные глаза были смесью печали и гнева. — Этого не может быть, Эллария.

«У него есть дракон, Оберин! Это само по себе говорит о его крови!»

Принц отвернулся. Он видел ужасные останки своей любимой сестры. Видел изуродованное лицо своего маленького племянника и пронзенное тело его милой племянницы.

— Это не может быть он, — пробормотал Оберин. «Я видел их всех. Этого просто не может быть. Я не знаю, как он получил дракона, но Эйгон мертв. Этот... самозванец использует его имя и происхождение по какой-то причине, и я хочу знать, почему».

Он услышал тихие шаги, а затем руки Элларии обвили его торс сзади. «Любовь моя, ты можешь плыть навстречу своей смерти. Если дракон найдет тебя...»

«Это риск, на который я должен пойти».

— Ты пойдешь один?

«Нет времени созывать моих дочерей в Дорне. Короля Драконов в последний раз видели в Пентосе, и он не задержится надолго после такого инцидента. Эссос большой — чтобы сделать мою охоту как можно короче, я должен начать отслеживать его. в настоящее время.»

Оберин повернулся в ее руках и наклонился, чтобы страстно поцеловать свою возлюбленную. Когда они расстались, он сказал ей в губы. «Я свяжусь с вами, когда смогу».

«Вернитесь к своим дочерям, мой принц», — приказала Эллария. «И ко мне».

Он кивнул, обещая, и снова поцеловал ее.

Это была глупость.

Джейме Ланнистер стоял у двери в покои Барристана Селми. День закончился, и его смена в качестве Королевской гвардии Роберта Баратеона на данный момент закончилась. Другие будут охранять сон короля.

Он мог бы трахнуть свою сестру прямо сейчас, но сегодня Джейми извинилась перед ней. Он плохо себя чувствовал. Серсея была разочарована, но все равно приняла его решение.

Это не было ложью. Он не очень хорошо себя чувствовал уже больше недели, хотя его беспокоила не болезнь. Он долго обдумывал самые последние события в мире, и вот он здесь, у двери в покои своего лорда-командующего.

Но если он был честен с самим собой, причина, по которой он отверг Серсею, заключалась в том, что он просто... не мог заставить себя проникнуть в ее покои и завладеть ею. Не сейчас. Неделию назад он бы согласился, позволил бы ее похоти поглотить его, как это часто случалось прежде.

Это было до того, как до них дошли истории о драконах. До того, как ребенок сражался с ордой дотракийцев за дочь женщины, Хайме столько раз терпел поражение в молодости.

Дверь по-прежнему оставалась закрытой перед ним.

Что он вообще здесь делал?

Каков был контекст первого вопроса?

Джейме покачал головой и, подняв руку, постучал в дверь. Он услышал, как Барристан позвал своего гостя, и вошел в комнату.

Старший Рыцарь сидел за маленьким столиком, наслаждаясь скромным ужином. Казалось, он был удивлен, увидев молодого человека, входящего в его комнату. «Сир Джейме».

— Сир Барристан, — ответил он, подходя к столу. "Могу ли я к Вам присоединиться?"

— Можете, — кивнул лорд-командующий. Джейме сел на стул, и на несколько мгновений между ними повисла неловкая тишина.

— Король заставлял себя, — наконец сказал Хайме. «Я не был уверен, что он будет, но если он будет продолжать в том же духе, он может просто вернуться в форму».

«Роберт Баратеон — самый упрямый человек в Вестеросе, как только он увидит то, чего хочет», — заметил Барристан. «Похоже, военачальник в нем вернулся с появлением Короля Драконов за морем».

Джейме молча кивнул, глядя на стол. Бровь Барристана нахмурилась. — Что случилось, мальчик? Ты не сказал ни одного саркастического слова с тех пор, как вошел в мою комнату.

Младший Рыцарь какое-то время не отвечал.

Барристан терпеливо ждал. Он знал Цареубийцу с тех пор, как был простым оруженосцем. Теперь, когда ему немного за тридцать, любой, кто знал его, поймет, что это странное

спокойствие Джейме было необычным. Где издевательская ухмылка и сарказм?

«Я до сих пор мечтаю о тех ночах, когда правил Безумный Король», — наконец сказал Хайме мягким и полным боли голосом. Его глаза, подумал Барристан, были очень далеко. «Так часто я не могу этого вынести. Я слышу, как она кричит. Я всегда говорю: «Мы поклялись защищать ее». И всегда получаю один и тот же ответ: «Не от него».

Лорд-командующий, казалось, постарел на десять лет. «Джейме...»

То, как Эйрис Таргариен обращался со своей женой Рейлой, наложило шрам на Джейме навсегда. Семь адов, в те дни он едва ли был мужчиной. Не более семнадцати лет.

Он стоял возле покоев Королевы и слушал, как Безумный Король насилует его жену, не в силах что-либо предпринять.

«В моих снах бывают моменты, когда я пробираюсь в эту комнату и убиваю его», — признался Хайме. «Но это никогда не останавливает ее крики. Ее крики. Всегда слишком поздно».

Барристан какое-то время молчал. «Я никогда не мечтаю об этом так живо. Но иногда я слышу ее голос по ночам. Это причиняет мне боль».

Цареубийца рассеянно побарабанил пальцами. «Я слышал, что вы думаете об уходе на пенсию».

«Я прослужил много лет. Думаю, мне пора на отсрочку, прежде чем начнется новая война».

«Я тебе не верю».

Барристан поднял бровь. Джейме по-прежнему не смотрел на него.

«Король Драконов — он еще всего лишь мальчик. Ему не может быть больше... сколько, десять и четыре? Десять и пять?»

"...Что-то такое."

«В том возрасте я был еще оруженосцем. Ребенком. Ребёнок перелетел через Узкое море за кого-то, кого он никогда не встречал. Он поехал на войну за кого-то, кого он не знал... и он победил. Что это говорит о нас «Мы знали Раэллу много лет... и ничего не сделали».

— Мы дали клятву, — напомнил ему Барристан.

«Какая клятва заставляет рыцаря слушать, как его королеву насилуют, пока мы охраняем короля, который ее насилует?»

"...Я не знаю."

— Я гнил здесь, — пробормотал Хайме. «Я больше не знаю, что я здесь делаю. Кодексы и мораль, которых я придерживался, когда впервые принял обеты, в наши дни кажутся бесполезными».

Охрана короля, который пил, блудил и охотился на детей.

Монстр, который наблюдал, как маленьких мальчиков выталкивали из окон башни.

Любовник собственной сестры, позволил ее похоти овладеть им.

Отец ложных наследников, которым он никогда не смог бы стать отцом.

— Ты собираешься разыскать детей Таргариенов, — сказал Хайме через некоторое время.

Барристан замер. — Я думал об этом. По крайней мере, я хочу с ними встретиться.

«Я иду с тобой».

"Какая?"

«Я не смог защитить Раэллу», — сказал Цареубийца. «Я не мог помочь ее детям после того, как они сбежали с Драконьего Камня. Я говорил себе день за днем, что ничего не могу сделать. Что я не в силах что-либо сделать с ними. Как я могу продолжать говорить такие вещи, когда простой мальчик воспринял эти слова и плюнул на них?"

«Он плюнул на них драконьим огнем».

"Несмотря на это."

Барристан глубоко нахмурился. — Как я могу тебе доверять? Откуда мне знать, что ты собираешься им помочь? Откуда мне знать, что ты не нанесешь им удар в спину, как сделал Безумному Королю?

— Потому что я не буду, — просто сказал Джейми. Когда пожилой мужчина открыл было рот, чтобы возразить против такого слабого рассуждения, Цареубийца покачал головой. «Хотите ли вы, чтобы я присоединился к вам или нет, я собираюсь найти их сам. Если я не уйду сейчас, я не знаю, хватит ли у меня сил попробовать еще раз позже».

«Твой отец будет в ярости. Твоя сестра. Твой король будет в ярости».

«Не больше, чем они будут с тобой. Они не смогут остановить меня. К тому времени, когда они обнаружат, куда я ушел, будет слишком поздно».

— В тебе нет никакого смысла. Ты сошел с ума?

Джейме наконец посмотрел на лорда-командующего. «Со всем уважением, сир, я не знаю, был ли я полностью в здравом уме с той ночи, когда впервые услышал крики Раэллы».

Барристан смотрел на него несколько минут.

— Ну? Я поплыву с тобой или один?

«...Два дня. Ты встретишь меня у Железных ворот в сумерках. Мой друг — купец — плывет домой в Пентос. Мы поплывем с ним».

«Два дня. Железные ворота в сумерках».

Барристан покачал головой. «Я не полностью доверяю вам в этом, сир Джейме. Вы понимаете, почему. Но я знаю, что вы заботились о королеве. Это единственная причина, по которой я даю вам этот шанс снова доказать, что вы достойны чести».

Джейме молча кивнул. Он встал, чтобы взять кубок из соседнего шкафа, наполнив его водой. В

последнее время Барристан не любил пить много вина.

Он вернулся к столу и предложил кубок в тосте. «Раэлле».

Барристан тихо постучал своей чашкой по чаше младшего Рыцаря. «Раэлле».

Прошедшая неделя, размышляла Дейенерис, была, пожалуй, самой счастливой за последние годы.

Погода была приятной. Светило солнце, дул хороший ветерок, и ее компания на «Прекрасной Морской Деве» была приятной.

Очень приятно, надо сказать.

Дени усмехнулась, глядя в губы Джона, схватив подол его туники и потянув ее вверх. Они расстались ровно настолько, чтобы он помог ей снять одежду, а затем он взял ее за щеку одной рукой, чтобы притянуть к себе для еще одного поцелуя. Она радостно замычала в него.

Как только они почувствовали вкус друг друга, они просто не могли оставаться в стороне. Это было сладко и волнующе, и это зажгло их кровь. Конечно, большую часть дня они проводили на палубе, общаясь с экипажем и их союзниками, но делили каюту. Все это время вдвоем наедине — ну что было делать паре влюбленных подростков?

Они не зашли слишком далеко в своем романе, что было ново. Это было решение, принятое в первую же ночь, когда Дэни по-настоящему признала свою привязанность к Джону, а его — к ней. Но им не терпелось и любопытно было все это исследовать. Чтобы узнать друг друга, как выразилась Дореа.

И если ничего другого, они, безусловно, стремились учиться.

Свернувшись калачиком у него на коленях, Дени провела пальцами по его плечам и груди к животу, заставив Джона вздрогнуть. Ей нравилось прикосновение его голой кожи. Он был теплым и твердым под ее руками, поднимаясь и опускаясь с каждым вздохом. Света в их хижине было мало — солнце уже село, а у них горел только фонарь, — но ей было достаточно, чтобы видеть его достаточно ясно.

Она напрягла ногти, проводя ими по его плоти, и Джон издал горловой звук, от которого она хихикнула.

— Это нечестно, — выдохнул он ей в рот.

"Что не так?" — спросила Дэни, притворяясь невинной. Они оба знали, что она полностью осознавала, как он отреагировал на то, что она царапала его. Как будто можно было не знать — она чувствовала, как сильно он прижимался к ее бедру.

Он не ответил. Она отстранилась от его губ и укусила за шею, заставив его заскулить. «Дэни».

— Ответь мне, — она улыбнулась ему в шею, подняла руки, чтобы схватить его за волосы и почесать кожу головы.

Джон тяжело сглотнул, когда она снова прижалась губами к его горлу. «Я один полуодетый».

«Нельзя снимать ночную рубашку на полпути».

— Я думаю, ты мог бы.

"Ты?" Дэни покраснела, но ее улыбка была озорной. Ее кровь пылала от ее привязанности и желания к нему. За каждую частичку Джона Сноу. "Докажите это."

Глаза Джона метнулись к ней, расширившись. "...Действительно?"

Она поджала губы и застенчиво кивнула. Его руки поднялись к ее плечам, дразня бретельки ее платья и медленно оттягивая их в сторону...

Стук в дверь заставил их обоих замереть на месте. Снаружи они слышали тихий приглушенный голос. — Ваша светлость? Принцесса?

Джон убрал руки с ее плеч и уронил голову ей на шею. «О, давай ...»

"Один момент!" Дени позвала своего гостя. Она тихо рассмеялась над разочарованием своего возлюбленного и поцеловала его в лоб. "Другая ночь."

Они разошлись, и Джон неохотно снова надел свою тунику, чтобы скрыть царапины, которые Дени оставила на нем, в то время как она пыталась сгладить свою внешность настолько, насколько могла. Как только они немного сошлись, Джон открыл дверь в их каюту.

Дореа стояла в прихожей, переводя взгляд с одного на другого. «Простите мое вторжение. Я не собирался беспокоить вас».

«Прощаю, Дореа», — улыбнулась Дени своей служанке, но моргнула от беспокойного выражения ее лица. — Что-то не так?

— Мне... мне нужно поговорить с вами обоими наедине, — тихо сказала она. Ее глаза были немного безумными — отчаянными.

Джон нахмурился и кивнул, отступая, чтобы впустить ее внутрь. Он закрыл за Дореей дверь, затем повернулся к ней лицом. — Ты нездоров?

Глаза Дореи метнулись к двери, как будто она боялась, что кто-то может ее подслушивать. Когда она говорила, было так тихо, что он едва ее слышал. — Это... может быть, ничего. Но я подумал, что вы оба должны знать.

Дени взяла руку подруги и крепко сжала ее. «Мы здесь, чтобы выслушать, Дореа. Ты можешь рассказать нам, что бы это ни было».

Старшая девочка тяжело сглотнула. «Кровь моей луны запоздала. Очень запоздала».

Ей пришлось переварить это заявление несколько мгновений, прежде чем Дейенерис действительно поразили последствия. Краска сошла с ее лица. "Ты имеешь в виду"

— Не знаю, — дрожала Дореа. Дени мельком взглянула на Джона и увидела, как он побледнел, когда понял, о чем она говорит. «Я... большинство моих... клиентов в прошлом были осторожны, а если и не были, то хранил лунный чай, чтобы никогда не забеременеть. Но Визерис не был осторожен и... и все с тех пор было так...»

У нее слезились глаза, и Дэни крепко обняла молодую женщину, когда проклятье сломалось, и она заплакала. — Я просто забыл, а у нас на корабле нет ингредиентов для лунного чая.

— Тсс, — успокоил ее Джон. Он подошел к двери и приоткрыл ее, окинув взглядом темный коридор, прежде чем снова закрыть ее. Дени могла видеть, как его разум уже яростно кипел.

Он подошел к ним вплотную, его голос был едва слышен. — Дореа, ты уверена, что Визерис — отец?

— Я, — прошептала она. «Он был единственным мужчиной, с которым я была с тех пор, как приехала в Пентос из Лиса. С тех пор и сейчас у меня не было другого мужчины».

— Вы говорили об этом кому-нибудь еще?

Она покачала головой, и Джон поджал губы, взглянув на Дени. Она понятия не имела, что сказать.

— Насколько ты уверен?

«Я... я никогда...» Дореа тихо всхлипывала в объятиях Дени. «Я никогда не носила детей, но я знала других девушек из Лиса, у которых они были. Я болела в первые несколько недель нашего пребывания на корабле, но я была не единственной. ...эпизоды внезапной болезни по утрам. Я думал, что это просто морская болезнь, но у меня не было крови через несколько недель после того, как я должен был».

"Хорошо", он взял одну из ее рук и вместе с Дени повел ее к кровати. «Ложись и отдохни. Мне нужно поговорить с Дейенерис наедине».

— Прости, — закричала Дореа.

- Тише, - успокоила ее Дени, помогая девушке лечь на спину. «Тебе не о чем сожалеть. Успокойся, Дореа. Мы будем охранять тебя».

Они помогли ей устроиться в постели, Джон укрыл девушку одеялом, а Дени тихо говорила с ней, пока ее слезы не кончились. Она была измучена и свернулась калачиком в постели, пытаясь избавиться от стресса.

Как только она успокоилась, Джон осторожно вытащил Дени из каюты на палубу корабля. Небольшая группа матросов все еще бодрствовала, чтобы следить за пиратами, но больше никого. Они подошли к корме корабля, убедившись, что остались одни, и им потребовалось несколько минут, чтобы обдумать то, что они узнали.

Даже тогда Дени не совсем смирилась с этим.

Джон наблюдал за ней с непостижимым выражением лица. «Дэни».

— Она может быть беременна, — прошептала Дени. "Мои братья..."

Он прикусил нижнюю губу. Его голос был едва слышен, словно дыхание ветра на ветру. — Дени, если она носит ребенка, никто не может узнать, что отец — Визерис. слишком."

Она кивнула, тяжело сглотнув. Что-то от ее брата могло пережить его смерть. Может быть... может быть, лучшее в нем.

«Если его семя укоренится в ее утробе», — начала она. «Если... если это правда... мы должны скрывать правду о ребенке. По крайней мере, пока он не родится».

Он нахмурился, и она криво улыбнулась ему. «Тебе повезло, что ты так сильно унаследовал свою мать. Ты мог бы хранить правду в тайне навсегда, если бы захотел. Этот младенец может быть похож на своего отца. У обоих родителей светлая кожа и светлые волосы».

«Мы не узнаем, пока он не родится», — заявил он. — Но ты прав. По крайней мере, пока она не родит, Дореа не может никому сказать, что младенец был зачат Визерисом. Она должна сказать тем, кто спросит, что отец был клиентом в Пентосе. Стражник, который ей приглянулся, или что-то в этом роде. эти строки...»

Дэни вдруг напрягся. «Сколько людей на этом корабле знают, что Визерис спал с ней?»

Джон замер и сделал мысленный подсчет. «Ты и я... Ирри и Джики. Сир Джорах».

"Мы должны поклясться им хранить тайну."

— Нет, — он тут же покачал головой. «Мы рассказываем им ту же историю, которую Дореа расскажет всем остальным».

— Ты им не доверяешь?

Джон посмотрел на черное море. «Я не знаю. Ирри и Джики... вероятно, заслуживают доверия. У них не будет причин предавать нас после того, как мы их освободим».

Дэни изучала его лицо. — Но вы не доверяете сиру Джораху.

Он медленно покачал головой и повернулся, чтобы посмотреть ей в глаза. «Я доверяю суждению моего дяди и хорошо помню историю Джораха Мормонта, Дейенерис. Какими бы ни были его причины, он продавал людей в рабство. Я не знаю, что он здесь делает и почему».

«Он работает с нами. Он был хорошим другом и союзником».

«С какой целью? Северянин, служащий Таргариену? С историей между ними? Джорах был бы молодым человеком, когда мой отец сбежал с моей матерью. Его призвали бы на войну против Эйриса Таргариена».

Дэни искала его лицо. В его голосе не было ни гнева, ни неприязни к Джораху, только правда того, что он знал об их союзнике. "Как мы можем быть уверены?"

— Если только мы не поймаем его в момент предательства, — пробормотал Джон, не сводя с нее глаз. «Единственное, о чем я могу думать, это как-то проверить его. Хотя я не знаю, как мы это сделаем».

— Мы должны быть осторожны, — согласилась она.

— Ты ведь знаешь, что я не собираюсь его доставать? Взгляд Джона был серьезным, он надеялся, что она поймет. «Я не хочу быть прав насчет этого. Я знаю его отца, и мне даже нравится тот человек, которым сейчас является Джорах Мормонт, но ты и я... Таргариен. Я не могу рисковать нашими жизнями на волю случая. Я должен знать, кому он предан».

«Я знаю», Дэни приподнялась на цыпочках, чтобы нежно поцеловать его в губы. «Надеюсь, ты тоже ошибаешься. Я хочу, чтобы старый медведь был для нас настоящим другом. Но я не вынесу, если с ребенком что-то случится. Если Визерис действительно отец... Я оставил своего брата».

Он обнял ее и крепко прижал к себе. «Мы всегда должны доверять друг другу. Никакой лжи, никаких секретов. Все остальные должны это заслужить, как бы я не ненавидел, это должно быть так».

Дэни кивнула и устроилась в его объятиях. «Вы упустили одного дракона».

Джон поцеловал ее в лоб, и она почувствовала, как его губы изогнулись в улыбке. «Верно. Не следует забывать об Эйемоне».

Некоторое время они молчали, а потом Джон вздохнул. «Если Дореа беременна, я узаконю ребенка, когда он родится».

Дэни нахмурилась и посмотрела на него в замешательстве. "Узаконить их?"

«Визерис и Дореа не были женаты. В Вестеросе младенец был бы внебрачным ребенком».

"Как то, что вы думали, что вы," сказала она тихо, понимая. Он кивнул.

«Как король, я могу узаконить ребенка в том, что касается Вестероса», — сказал он ей. «Наш Дом вряд ли в состоянии отказать такому ребенку».

"Не то, чтобы мы бы, даже если бы мы были."

— Нет, уж точно никогда. Я не хочу, чтобы еще один ребенок страдал из-за того, что сделали его родители. У вас с Визерисом этого было слишком много.

Дэни положила голову ему на плечо, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Этот вечер оказался более... сложным, чем она ожидала. Боги, еще час назад она уговаривала Джона снять большую часть ее ночной рубашки.

Казалось, что это было уже много веков назад.

— Мы должны рассказать Дорее о нашем плане, — сказала она наконец. «Но Джон... если мы вне всякого сомнения выясним, что она вынашивает, мы должны найти место, чтобы спрятать ее, пока она не родит».

«Мы не можем оставаться на одном месте слишком долго, — возразил он.

"Я знаю, но может быть слишком опасно двигать ее слишком часто", прошептала Дени. «Женщины в нашей семье — особенно в этих последних поколениях... роды были для них такой тяжелой утратой. Даже женщины, которые не были Таргариенами. Обе наши матери были...»

Джон резко вдохнул. «Я не думал об этом. Даже... ну, принцесса Элия была в основном в порядке, но родить моего сводного брата было трудно. Я помню, как узнала, что ее предупредили, что вынашивание третьего ребенка может убить ее».

— У моей матери было больше выкидышей и мертворождений, чем у любой другой женщины, о которой я слышала, — сглотнула Дени. — А Лианна...

Оба некоторое время молчали.

— Надо что-нибудь придумать, — сказал он наконец. «Я не думаю, что это должен быть Браавос, но везде, кроме крупных городов, существует риск нападения дотракийцев. Фростфайр не может оставаться в каком-либо районе слишком долго, чтобы охранять нас от

них — она привлечет слишком много внимания. Ей нужно позволить бродить».

«Я думаю, мы обсудим эту часть нашего плана утром», — предложила Дейенерис. «На данный момент... мы устали и утомлены, и мы должны заверить Дорею, что мы готовы, если она вынашивает».

Он снова кивнул, еще раз поцеловал ее в лоб. Они оставались в этих объятиях еще некоторое время, прежде чем вернуться в свою каюту.

<http://tl.rulate.ru/book/80897/2477709>